

*И. Р. Тантлевский, Е. С. Норкина**

**РУССКО-ЕВРЕЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НАЧАЛА XX В.
О РОССИИ И РЕВОЛЮЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ВЗГЛЯДОВ А. ИДЕЛЬСОНА)****

Статья посвящена анализу взглядов русско-еврейской интеллигенции на Россию и революционные события начала XX в. В фокусе внимания находится позиция известного сиониста А. Идельсона. Он, как и другие представители его поколения, был прочно укоренен в российской интеллектуальной жизни и не оставался равнодушным ни к одному общественно-политическому процессу в России, свидетелем которого он был. Однако все они освещались им сквозь призму еврейского вопроса и проблем еврейского общества. Авторы приходят к выводу о том, что Идельсон разделяет воззрения либеральной интеллигенции русского и еврейского происхождения. Это представления об исторической закономерности и неизбежности революций в жизни общества, надеждах на положительные изменения в результате них, недемократичности государственной власти в России, презрение к национализму и антисемитизму, социализму. Основным источником исследования послужили публикации Идельсона в русско-еврейских периодических изданиях.

Ключевые слова: русско-еврейская интеллигенция, А. Идельсон, сионизм, либерализм, революция, империя, Россия, еврейский вопрос.

* Тантлевский Игорь Романович, доктор философских наук, профессор, заведующий Кафедрой еврейской культуры, Санкт-Петербургский государственный университет, сопредседатель Академического правления Международной ассоциации по иудаике и еврейской культуре; tantigor@bk.ru

Норкина Екатерина Сергеевна, научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет; tantigor@bk.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00153, Санкт-Петербургский государственный университет).

I. R. Tantlevskiy, E. S. Norkina
RUSSIAN-JEWISH INTELLIGENTSIA OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY. ABOUT
RUSSIA AND THE REVOLUTION
(ON THE EXAMPLE OF THE VIEWS OF A. IDELSON)

The article is devoted to the analysis of the views of the Russian-Jewish intelligentsia on Russia and the revolutionary events of the early 20th century. The authors focus on the position of the famous Zionist A. Idelson. Like other representatives of his generation, he was deeply rooted in Russian intellectual life and did not remain indifferent to any socio-political process in Russia, which he witnessed. However, all of them were illuminated by him through the prism of the Jewish question and the problems of the Jewish society. The authors come to the conclusion that Idelson shares the views of the liberal intelligentsia of Russian and Jewish origin. These are ideas about the historical regularity and inevitability of revolutions in the life of society, hopes for positive changes as a result of them, undemocratic state power in Russia, contempt for nationalism and anti-Semitism, socialism. The main source of the research was Idelson's publications in Russian-Jewish periodicals.

Keywords: Russian-Jewish intelligentsia, A. Idelson, Zionism, liberalism, revolution, empire, Russia, the Jewish question.

Во второй половине XIX — начале XX в. в Российской империи сформировалась особая группа людей, стоявшая в центре интеллектуальной жизни общества — русско-еврейская интеллигенция. Принимая активное участие в общественно-политической жизни страны и видя себя частью многонациональной российской интеллигенции, она все же не могла окончательно расстаться со своей культурой. Более того, она взяла на себя роль представителей народа перед лицом общества и государства, вела борьбу за еврейскую национальную самоидентификацию в России. Русская культура сыграла огромную роль в ее мировоззрении и интеллектуальном становлении. Представители русско-еврейской интеллигенции принадлежали сразу к двум мирам — русскому и еврейскому. Наблюдая современные им события, они не могли оставаться равнодушными к стране и выносили свои суждения о происходящем в публичных пространствах. Нередко критикуя и высказываясь, казалось бы, нелестно о русском обществе, они все же делали это с любовью к России.

В данном исследовании мы предпочитаем использовать понятие русско-еврейской интеллигенции, которое в последнее время формулировали в научных работах современные отечественные и зарубежные историки российского еврейства Дж. Клиер, Б. Горовиц и В. Е. Кельнер. Согласно их определению, это та часть евреев, которая отошла от традиционного религиозного мировоззрения, но отстаивала права евреев в России. Многие из них происходили из религиозных семей, оканчивали хедер и даже иешивы. Они прошли путь аккультурации за довольно короткий период времени [7; 39; 40]. По мнению современного израильского историка Й. Френкеля, еврейская интеллигенция была ветвью русской, развиваясь под воздействием русской оппозиционной политики [46, с. 15]. Особенно ярко проявились лидерские общественные и политические качества русских евреев в столице империи, куда устремлялась активная молодежь.

Среди наиболее известных представителей русско-еврейской интеллигенции Санкт-Петербурга начала XX в. можно назвать историка С. Дубнова,

общественного и политического деятеля М. Винавера, юриста Г. Слиозберга, сиониста В. Жаботинского. Фигура А. Идельсона, взгляды которого являются ключевыми для данного исследования, выбрана неслучайно. С одной стороны, в своих публикациях он просто транслировал воззрения, преобладавшие в среде еврейской интеллигенции [46, с. 193]. С другой стороны, происходившие в стране процессы Идельсон анализировал с позиции одного из наиболее авторитетных лидеров и теоретиков российского сионизма. При этом необходимо уточнить, что он принадлежал к поколению палестинофилов, начавших свою деятельность в 1880-х гг., а потому его условно нельзя отнести ни к революционерам, ни к юным энтузиастам. Он не был таким активным политиком, как, например, М. Винавер. Это позволяет продемонстрировать позицию несколько отстраненного, напрямую не участвовавшего в революционном движении общественного деятеля. В итоге мы поймем воззрения Идельсона на революцию и Россию через призму проблем современного ему еврейского общества.

А. Идельсону и его взглядам посвящена статья современного американского историка Б. Горовица, в которой автор с помощью биографического метода пытается раскрыть общественный контекст мысли Идельсона с акцентом на сионистскую деятельность и его роль в еврейской общественно-политической жизни [8; 9; 10]. Известно, что Идельсон родился в религиозной семье в Векшни (Литва), а его юность проходила в одном из местечек Ковенской губернии. Он поступил на юридический факультет Императорского Московского университета. В этот период формируются его политические взгляды. Так, в ассимиляции и антисемитизме он видел главную опасность для евреев России и, оставив свою религиозность в прошлом, стал проявлять интерес к протосионистскому движению «Ховевей Цион». Участниками этого движения были лучшие еврейские студенты, которые внезапно стали соблюдать еврейские обряды и посещать синагоги [10, с. 51–52].

Переехав в Петербург, Идельсон возглавил редакцию журнала «Рассвет», позже — издание «Еврейская жизнь». При нем «Рассвет» стал процветать и превратился в центральный орган сионистов. Это издание проводило новые тенденции и лозунги в политику русского еврейства и положило в свою основу защиту национальных интересов. Важно, что издание адресовало свои публикации и русскому обществу. Таким образом, Идельсон постепенно приобрел статус одной из ключевых фигур российского сионизма. Именно ему принадлежит теоретическая формулировка концепции «синтетического сионизма». Согласно этому направлению, необходимы расширение участия евреев в общероссийских политических организациях, в образовании и культуре, усилия по улучшению жизни евреев в России, а также признание важности галута как учебной площадки для последующей эмиграции в Эрец-Исраэль. Можно сказать, что еврейская общественная жизнь была не чужда Идельсону еще и потому, что он был одним из активистов Общества любителей древне-еврейского языка [1, с. 37, 202].

Идельсон, как и другие представители его поколения, был прочно укоренен в российской интеллектуальной жизни и не оставался равнодушным ни к одному общественно-политическому процессу в России, свидетелем которого он был.

Однако все они освещались им сквозь призму еврейского вопроса и проблем еврейского общества. Ему удалось мастерски вплетать свою точку зрения о наиболее насущных вопросах повседневности в начало каждой статьи, заканчивая ее каждый раз «еврейской проблемой»: развитие сионизма, еврейское образование, сохранение еврейской культуры, еврейское бесправие на фоне общегражданского бесправия в стране, помощь в войне, эмиграция, кровавый навет и антисемитизм. Именно «еврейские» проблемы имели для Идельсона первостепенную важность, что, возможно, свидетельствует о приоритете еврейской идентичности в нем. Кроме того, Идельсон четко отделяет взгляды, которые представляет он и его сообщество, от позиции «русской интеллигенции», при этом явно ставя себя на тот же уровень и ощущая себя частью русской элиты. Довольно смело он выступает в защиту еврейского народа: так, в 1906 г. выходят его резкие статьи о попустительстве местной администрации антиеврейским погромам, за что несколько номеров «Хроник еврейской жизни» были арестованы [47, с. 699]. Его публикации присутствуют практически в каждом номере «Хроники еврейской жизни» и «Рассвета» под реальной его фамилией или псевдонимом «А. Давидсон», нередко это передовицы. Особо можно выделить его статьи, вышедшие в «Рассвете» и «Хронике еврейской жизни» с 1905 по 1917 гг. под общим названием «Итоги»: в них он делал выводы о событиях российской общественно-политической жизни за предыдущий год.

Поскольку основная публикационная активность Идельсона приходится на наиболее сложные в политическом отношении годы, закономерно, что многие его статьи являются попыткой осмыслить революционный процесс в России. При этом он нередко углубляется и в теоретические рассуждения о природе революции. Из-под пера Идельсона слово «революция» выходит довольно часто и скорее является синонимом общего процесса перемен, нежели дефиницией конкретного события в стране. В революции Идельсон видит неизбежность и закономерность: это борьба старых общественных сил, выросших в рамках старого общественного строя, с самим общественным строем. Цель этой борьбы — создание новых форм, более соответствующих интересам восставших сил: «Выросшие общественные силы, которые больше не укладываются в рамки старого общественного строя, объявили последнему войну» [12, с. 5–6; 34, с. 1.]. В этом смысле борьба ведется не против конкретного правительства, а против правительства вообще, т. е. против самого принципа власти и порядка, поддерживаемого в данное время. Революция — это не просто борьба против абсолютизма, это борьба интересов, которая совершается постоянно и непрерывно, с большей скоростью, чем в обыкновенное время. Иными словами, согласно пониманию Идельсона, революция — это исторический процесс, доведенный до максимальной быстроты [26, с. 6]. Революция жестока, но при победе щедро вознаграждает своих сторонников. Даже разрушительный процесс, по мнению Идельсона, является шагом вперед, так как он расшатывает устаревшие устои [18, с. 4–5]. Таким образом, автор предстает явным сторонником разрушения старого строя и создания нового фундамента общественно-политической жизни.

Такие взгляды во многом роднят его с политическими деятелями либерального направления, писавшими и говорившими о закономерности и объ-

активной неизбежности революции в 1905–1906 гг. Однако если политические лидеры четко формулировали программные задачи своих партий и конечные цели революционного процесса [42], то в выступлениях Идельсона цели представлялись несколько размытыми — смена характера власти и создание нового порядка, который бы устроил общество.

На протяжении жизни теоретические воззрения на революционный процесс у Идельсона не меняются и остаются идентичными как после событий 1905 г., так и 1917 г. Для Идельсона революция представляет собой некое тяжелое потрясение и отклонение от нормальной жизни. В этом он даже видит некоторую цикличность: на смену революциям приходят периоды возвращения к спокойной, в чем-то даже серой и скучной жизни. О послереволюционных периодах жизни страны Идельсон пишет: «Нормальная жизнь сера, скучна, тягуча и однообразна... В такие периоды обыкновенно замечается хозяйственный подъем. Общество... продолжает накапливать внутренние силы, создает то, что служит основой жизни, что создает прогресс данного общества» [17, с. 6]. В этот период, по его мнению, на некоторое время общество может испытывать удовлетворение. Идельсон часто связывает революцию и хозяйственную и экономическую разруху. Именно в затянувшейся экономической нестабильности он видит причину неудач революционных движений [17, с. 5; 37, с. I–IX]. Акцент на экономические факторы в революции, вероятно, связаны с болезненным отношением Идельсона к тяжелому экономическому положению и разрушительным последствиям для хозяйства большей части еврейского населения империи, к чему он периодически возвращается в своих публикациях. Он отмечает, что в черте еврейской оседлости царит нищета и вырождение, ремесла исчезают, торговля падает, рабочие остаются без работы [16, с. 4].

Применительно к России восприятие революции Идельсоном утяжеляется. По его убеждению, в российской практике революция фактически граничит с провокацией и их порой трудно отличить друг от друга [33]. Лишь тогда, когда русское общество вместе со своим правительством будут доведены до состояния истощения и анархии, начнется организаторская деятельность отдельных общественных групп, выступит на сцену общественная самодеятельность, которая восстановит правовой порядок и создаст новые формы общественной жизни. До этих пор русская революция есть стихийный процесс разложения общественных форм в сфере политической и гражданской жизни, процесс анархический и исключительно отрицательный [12, с. 5–6].

Характерной чертой революции 1905 г. в России Идельсон называет стихийность и неорганизованность, и в этом он явно разделяет мнение многих своих современников. Как следствие — русское революционное движение за 1905 г. представляет собой преимущественно разрушительный процесс с точки зрения результатов [18, с. 4–5]. С сожалением Идельсон признает, что если для русского общества революция 1905 г. частично принесла пользу, то еврейское общество только еще больше потеряло от нее. Если главный итог революции — Дума — и является положительным для русского общества, которое получило в ее лице некоторые права в области законодательства и контроля над финансами, то для евреев в нее фактически нет доступа [15, с. 2–3]. Так он пишет о Думе:

Обратиться в Думу с проектом еврейского равноправия — значит обратиться не по надлежащему адресу. Дума, даже если захотела бы, не может дать евреям равноправия, как не может экспроприровать помещичьи земли, если правительство этого не захочет [35, с. 4].

Размышления А. Идельсона о несбывшихся надеждах евреев на революцию и ее результат — Думу — вполне закономерны на фоне происходивших событий. Многие общественные и политические силы возлагали большие надежды на революцию. Казалось, создание Государственной Думы станет решающим шагом к всеобщей демократической трансформации. В частности, русско-еврейские лидеры видели и в революции, и в парламенте средство достижения равноправия и испытали огромное разочарование. И если в 1905 г. все подобные мечты и надежды о равноправии могли быть открыто обнародованы, то после 1905 г. поддержка политическими деятелями евреев уменьшалась — как либералы, так и радикалы оказались неспособны внести перемены, позволившие бы улучшить положение евреев. То сожаление, которое высказывает Идельсон относительно Первой русской революции, может свидетельствовать о таких же больших надеждах, какие возлагали на нее многие его современники.

Причинами неудачи после революционных событий 1905 г. Идельсон называет неравенство противоборствующих сил, а так же отсутствие единства интересов сторонников революции. Он пишет:

Борющиеся силы неравны между собой. С одной стороны — представители старого режима с его сложившейся организацией, с его грозной вооруженной силой, а с другой — безоружная неорганизованная масса, разделенная между собой на классы и партии, преследующая свои интересы, противоречивые между собой. Поэтому общество не в состоянии пойти прямо к намеченной цели и вырвать власть [12, с. 4].

Следствием этого является общественный беспорядок и расстройство государственного аппарата, который в сущности нужен всем.

Необходимость участия евреев в освободительном движении 1905–1906 гг. для Идельсона была бесспорна. Он отмечал:

Мы, евреи, можем ожидать широких реформ нашей жизни и полного освобождения от позорящих и губящих нас исключительных законов только от революции. Только она в состоянии окончательно порвать со старым и устроить общество на совершенно новых началах [12, с. 6].

С одной стороны, такая его позиция соответствовала его же концепции синтетического сионизма и объединяла его с другими представителями русско-еврейской интеллигенции и русскими либералами. Так, Дубнов, Слиозберг и особенно Винавер были уверены в том, что судьба российского еврейства во многом зависела от развития русского освободительного движения и от успеха в обретении равноправия всеми российскими гражданами [7]. Однако в рассуждениях Идельсона сквозил некоторый пессимизм по этому поводу. Он подчеркивал, что евреи участвуют в революционном движении не как со-

юзники, а как крепостные для чужих [11, с. 8–9]. Многие евреи — участники русского революционного движения — сознательно, а чаще — бессознательно, идентифицировали свои интересы с интересами русских рабочих и крестьян, нередко имея об этих самых рабочих и крестьянах самые фантастические представления [5, с. 9–10]. И в этой оговорке состояло отличие позиции Идельсона, который поддерживал убеждение другого лидера российского сионизма, В. Жаботинского, подчеркивая, что силы в этой борьбе за равноправие необходимо направить именно вовнутрь еврейства [39, с. 177].

В сознании русского обывателя роль евреев в первой русской революции представлялась большей, чем была на самом деле. Слово в ответ на такое общественное мнение Идельсон в своих публикациях 1907 г. признает заметное участие евреев в революции: «...наше участие в русской революции довольно значительное, хотя не доминирующее, как его изображают другие органы печати» [14, с. 4]. При этом он подчеркивает, что о евреях-революционерах нельзя говорить как о единой сплоченной группе, преследующей свои цели, скорее как об отдельных индивидуумах еврейского происхождения [15, с. 4].

На фоне растущего общественного напряжения в стране, падения престижа власти и общего раздражения в начале XX в. Идельсон неслестно отзывается и о природе русской власти и общества. Он подчеркивает полное отсутствие правового сознания в России, которое заменяет чувство, настроение, волевые импульсы. Так, русское общество в понимании Идельсона представляет собой «мягкую массу, из которого случай лепит, что хочет... Эта масса как будто не имеет собственных законов жизни, а принимает формы извне, случайно, по дуновению ветра. Общество не может мыслить самостоятельно» [19, с. 4–5; 32, с. 3–4]. Красной нитью проходит в его публикации отрицательное отношение к чиновникам, которые «не имеют возможности каким-либо образом повлиять ни на что, а лишь слушаться» [38, с. 4]. Политические убеждения для администратора считаются роскошью, а главное — послушание и готовность исполнять волю представителей власти. Одни и те же лица проводят диаметрально противоположные политические меры [27, с. 4]. Это убеждение мыслителя о недемократизме российской государственности перекликается с идеями русских мыслителей — современников Идельсона, в частности Н. А. Бердяева [3, с. 11–13]. Он писал о России как самой безгосударственной и в то же время самой «государственной, бюрократической» стране в мире, однако у Идельсона мы не находим бердяевского мессианства «русской идеи».

Распространяющийся антисемитизм, бесправие евреев и невозможность исправить эту ситуацию даже с помощью Государственной Думы приводит Идельсона к презрительному отношению к этому органу, которое он разделял со многими другими общественно-политическими лидерами. Причиной того, что в России так и не возник настоящий парламент, по его мнению, было отсутствие у Думы собственного фундамента. Единственным источником силы является правительство, а Дума существует, лишь пока это допускает власть. Дума даже при всем желании не может решить многие важнейшие вопросы, если этого не захочет правительство. С сарказмом он пишет о Думе следующее:

Русская Дума имеет оригинальное свойство: она послушна не только во время своего существования, но и до своего появления на свет Божий. Она рождается такой, какой ее хотят видеть те, кому она должна быть послушна [22, с. 2].

Наблюдая за работой Думы Третьего созыва, Идельсон фактически называет ее простой фикцией, и чем больше проходит времени после ее создания, тем более резко Идельсон выражается о ней [21, с. 2–3; 30, с. 2.]. Помимо основных проблем, связанных с работой этой Думы, следует помнить и о факте присутствия в ней большего количества националистически настроенных членов, что, возможно, также влияло на отношение Идельсона к ней.

Несмотря на критическое и даже презрительное отношение к механизму русской государственной власти, сам Идельсон настороженно относился к возможному ее свержению в результате революции: «И мы евреи примкнули к революции, но путь анархии для нас опасен» [12, с. 6]. Такое опасение, вероятно, связано с последовавшими осенью 1905 г. антиеврейскими погромами. События первой русской революции вызвали вопль ужаса у современника Идельсона — публициста и философа Михаила Гершензона, инициатора сборника «Вехи»: «... нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» [8, с. 249].

В целом для Идельсона, как и для многих из его ближайшего окружения, характерны скорее «упаднические» настроения в межреволюционный период. Довольно мрачные представления выражает он о жизни в России уже спустя почти шесть лет после первой революции. Как человек, высоко ценивший образование и культуру и даже непосредственно принимавший участие в распространении просветительской деятельности среди евреев, он говорит об общественном разложении. Он называет Россию «страной мертвых душ» и «живых трупов». С сожалением он констатирует: грубость становится нормой в обществе, университеты в глазах власти являются ненужными рассадниками крамолы, и всюду «холопы, которые потенциально опасны: ведь дикарь ненавидит более цивилизованных и развитых людей» [36, с. 3–5]. Это умонастроение сближает его с критиками революционной интеллигенции из лагеря русских публицистов-философов либерального толка. Общее движение от революционаризма к умеренности, реформизму, ценностям религии, культуры, национализма, государственности:

Россия пережила революцию. Эта революция не дала того, чего от нее ожидали. <...> Русское общество... находится в каком-то оцепенении, апатии, духовном разброде, унынии. Русская государственность не обнаруживает пока признаков обновления и укрепления... и, как будто в сонном царстве, все опять в ней застыло, скованное неодолимой дремой. Русская гражданственность, омрачаемая многочисленными смертными казнями, необычайным ростом преступности и общим огрубением нравов, пошла положительно назад. Русская литература залита мутной волной порнографии и сенсационных изделий. Есть от чего прийти в уныние и впасть в глубокое сомнение относительно дальнейшего будущего России [6, с. 43].

Закономерно, как и у многих других русско-еврейских лидеров, и особенно лидера еврейского либерализма М. Винавера, возмущение у Идельсона вызывает направление российской внутренней политики, усилившееся в начале XX в., — национализм. Однако если в целом национализм чаще ассоциировался с проявлением империализма и монархизма, то для Идельсона это приобретает абсолютно иное значение. Он подчеркивает, что это совсем не тот национализм, о котором говорят в Европе, а лишь простая продолжающаяся с давних времен «травля инородцев», что больше напоминает ему дикость. Подобная политика русской власти, по его мнению, наоборот, порождает сепаратизм и усиливает нерусский национальный элемент [31, с. 2–3; 27, с. 3–5]. И снова в его взглядах мы можем наблюдать некоторое «эхо» взглядов русских мыслителей. Так, М. А. Славинский писал о национализме, развившемся в ходе революционных событий 1905 г.:

Дата 17 октября 1905 г. является формальной гранью между уходящим в историю принудительным единством и долженствующим прийти ему на смену живым разнообразием национальностей единой Российской империи. <...> Последовавшие затем события, длившиеся и до наших дней, смяли и растоптали венок национальных надежд... Практика имперской национальной политики, утвердившись заново на старых рельсах официальной народности, делала и делает все зависящее от нее для того, чтобы развить центробежные стремления среди недержавных народностей империи [44, с. 414–415].

На стыке больного для Идельсона еврейского вопроса и критики направления политики — национализма, он снова приходит к рассуждениям о природе русской власти и права. Он пишет: «Всякое право зависит от того, как его толкуют... Право первенства понимается у нас как право подавлять, выселять, вытеснять из тех областей, где есть возможность. Врагов отечества на Руси много...» [13, с. 5].

В 1917 г. «Рассвет» выходит более редкими номерами, а революционные события становятся главной темой публикаций периодического издания. Летом, наблюдая за событиями в Петрограде, Идельсон с некоторым презрением говорит об участниках народного выступления и отмечает, что объединяют всех выступавших в июле их антиобщественные и антигосударственные взгляды и это приводит их в лагерь большевиков. Главной их задачей Идельсон называет смуту [20, с. 1–3]. В августе он дает определение происходящим событиям: «В сущности у нас не революция, а просто «смутное время» [24, с. 1]. К этому времени уже многие общественно-политические деятели и публицисты используют это слово для определения обстановки в стране. И уже по отношению к революции 1905 г. часто значение «смуты» определялось как общее гнетущее состояние и нередко использовалось даже представителями власти [43], а события 1917 г., начиная с поэта А. Белого, сопоставляются именно со Смутой XVII в. [4, с. 315] По мнению Идельсона, русская революция далась легко, так как власть была слабой. Русское общество после этого было предоставлено само себе: оно «напоминает заброшенного сироту, которое целый день шатается на улице и думает, что хочет, потому что некому смотреть за ним» [25, с. 2].

Относительно событий 1917 г. Идельсон остается верен своим взглядам на цель революции — создание новых форм жизни, соответствующих интересам борющихся. Однако у него преобладает пессимизм относительно происходящих событий, поскольку у борющихся групп не определенных и общих целей, а вместо общественных целей преобладают индивидуалистские стремления [24, с. 2]. С некоторым сарказмом он говорит и об итогах революции для России. Весь успех России лишь искусственный: и равноправие, и кажущееся отсутствие антисемитизма. Все это не соответствует ни экономическому, ни культурному состоянию страны [37, с. V]. Как и раньше, наибольшую настороженность вызывает у него антисемитизм, вспыхнувший с особой силой в военный период и остающийся даже после революции.

Идельсон продолжает воздерживаться от наименования определенных политических событий революцией. Об осенних событиях 1917 г. он отзывался следующим образом: «это не революция, не переворот, не «захват власти»... Это просто выступление большевиков, нечто, не имеющее никакого политического названия...» [28, с. 21–22]. Очевидно, что, как и многие наблюдатели, он недооценил большевиков и произошедшие события. Довольно резко Идельсон высказывается о социализме, но не о самой природе политического течения, а о том, чем он стал в России. Он дезорганизовал, вызывал анархию, не создав ничего конструктивного. Основная причина этого виделась Идельсону в личных качествах сторонников социализма. Как человек, высоко ценивший культуру и образование, Идельсон негативно отзывался о большевиках, которые, по его мнению, из-за отсутствия интеллигентности и надлежащего культурного уровня и кругозора не смогут стать достойным «хозяином» страны [29, с. 32; 28, с. 21–22].

Подобная критика социализма звучала в России широко после первой революции. Ранее, как писал Н. А. Бердяев, «русская интеллигенция... по своему моральному сознанию во вторую половину XIX в. вся почти была социалистической» [2, с. 44]. Дискуссии разворачивались, главным образом, между разными направлениями социализма (народничество, марксизм), а внутри этих направлений — между более или менее умеренными и радикальными их сторонниками. Периодически звучавшие иные мнения, например Д. Менделеева, который считал, что социалистическое учение способно увлечь только «малоразвитых людей» [41, с. 168], были обречены оставаться на обочине общественной мысли. Как констатировал М. И. Туган-Барановский, «социалистические симпатии русской интеллигенции составляют одну из ее наиболее характерных отличительных черт» [45, с. 419]. Лишь горькие плоды революции 1905–1907 гг. побудили к пересмотру старых идеологий, прежний общественный консенсус российской интеллигенции вокруг социализма начал разрушаться, хотя открытый разрыв с социализмом осмелились провозгласить немногие. Революция 1917 года усилила этот процесс постепенного ухода интеллигенции от социализма, по крайней мере, в его наиболее радикальных и утопических формах. Однако этот уход не приводил к усилению либерализма или иных альтернативных социализму политических движений. Скорее его результатом было нарастание в интеллигентской среде аполитичности, пессимизма, поиск новых ориентиров за пределами политической борьбы — в религии, «чистом»

искусстве, профессиональной деятельности, а после победы большевиков — в эмиграции, внешней и внутренней, и т. д.

Характер публикаций Идельсона показывает, что события 1917 г. не были для него неожиданностью, скорее, снова закономерностью и вполне ожидаемыми для природы русской власти. Он отмечал: «В случаях как в России, со слабой властью при революции выступает на арену самый сильный класс — буржуазия, которая имела сильную организацию в лице конституционно-демократической партии» [28, с. 23]. Как и многие мыслители и общественные лидеры его времени, такие как меньшевики и даже многие большевики, он отмечал: «Ни для кого не тайна, что мы переживаем типичную буржуазную революцию» [23, с. 4].

Революция большевиков заметно ударила по позиции Идельсона как сионистского лидера и спикера. Снизилась его роль и как теоретика сионистского движения. В итоге Идельсон вынужден был покинуть Россию, потеряв контакты со своим окружением [10].

Как мы видим, во многом взгляды Идельсона на революцию и Россию как государство неоригинальны. Он скорее разделяет воззрения того окружения, к которому принадлежит, — либеральной интеллигенции русского или еврейского происхождения. Это представления об исторической закономерности и неизбежности революций в жизни общества, надеждах на положительные изменения в результате них, недемократичности государственной власти в России, презрение к национализму и антисемитизму, социализму. В его рассуждениях отсутствуют споры с оппонентами по политическим позициям и противопоставления себя им. Он их даже не называет. Некоторый пессимизм, сквозивший практически во всех публикациях Идельсона, хорошо передает настроение современного ему общества. Перспективы изучения темы видятся нам в более глубоком анализе еврейской российской общественной мысли в контексте интеллектуальной истории русской интеллигенции того же времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейзер М. Евреи в Петербурге. — М.: Библиотека Алия, 1990.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990.
3. Бердяев Н. А. Судьба России. — М.: Советский писатель, 1990.
4. Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного нашествия. — М.: РОССПЭН, 2010.
5. Будницкий О. В. В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция // Евреи и русская революция. Материалы и исследования. — М., Иерусалим: Гешарим, 1999. — С. 3–21.
6. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи; Интеллигенция в России: Сборники статей 1909–1910 / сост. Н. Казаковой, предисл. В. Шелохаева. — М.: Молодая гвардия, 1991. — С. 43–84.
7. Горовиц Б. «И кризис, и преемственность»: новый взгляд на российское еврейство в поздней царской России // Горовиц Б. Еврейская составляющая русской идеи. — М.: Три квадрата, 2020. — С. 100–118.
8. Горовиц Б. Михаил Гершензон и его интеллектуальный круг // Горовиц Б. Еврейская составляющая русской идеи. — М.: Три квадрата, 2020. — С. 244–258.

9. Горовиц Б. Михаил Гершензон: еврей среди российской элиты // Горовиц Б. Еврейские интеллектуалы Российской империи. — М.: Три квадрата, 1917. — С. 278–294.

10. Горовиц Б. Синтетический сионизм и судьба Абрама Идельсона // Горовиц Б. Еврейская составляющая русской идеи. — М.: Три квадрата, 2020. — С. 50–67.

11. Идельсон А. Вопросы жизни // Хроника еврейской жизни. — 1906. — № 6.

12. Идельсон А. Где Исход // Хроника еврейской жизни. — 1905. — № 45.

13. Идельсон А. Декларация // Рассвет. — 1912. — № 50.

14. Идельсон А. Итоги // Рассвет. — 1906. — № 1.

15. Идельсон А. Итоги // Рассвет. — 1907. — № 1.

16. Идельсон А. Итоги // Рассвет. — 1907. — № 48.

17. Идельсон А. Итоги // Рассвет. — 1909. — № 1.

18. Идельсон А. Итоги // Хроника еврейской жизни. — 1906. — № 45.

19. Идельсон А. Итоги // Рассвет. — 1911. — № 1.

20. Идельсон А. Июльские дни // Рассвет. — 1917. — № 2.

21. Идельсон А. К законопроекту о равноправии // Рассвет. — 1908. — № 20.

22. Идельсон А. К результатам выборов // Рассвет. — 1912. — № 42.

23. Идельсон А. К. Д. и национальный вопрос // Рассвет. — 1917. — № 3.

24. Идельсон А. Московское совещание // Рассвет. — 1917. — № 6.

25. Идельсон А. Национальная автономия и федерализм // Рассвет. — 1917. — № 14.

26. Идельсон А. Национальное собрание // Хроника еврейской жизни. — 1906. — № 4.

27. Идельсон А. Перемены курса // Рассвет. — 1911. — № 40.

28. Идельсон А. Политический обзор // Рассвет. — 1917. — № 19.

29. Идельсон А. Политическое обозрение // Рассвет. — 1917. — № 22–23.

30. Идельсон А. После закрытия сессии // Рассвет. — 1909. — № 22.

31. Идельсон А. После закрытия сессии // Рассвет. — 1911. — № 23.

32. Идельсон А. Преступление и наказание // Рассвет. — 1912. — № 29.

33. Идельсон А. Призрак погрома // Рассвет. — 1911. — № 37.

34. Идельсон А. Реальные силы момента // Хроника еврейской жизни. — 1906. — № 24.

35. Идельсон А. Своим путем // Рассвет. — 1908. — № 2.

36. Идельсон А. Страна «мертвых душ» // Рассвет. — 1911. — № 47.

37. Идельсон А. Тяжелое наследие (вместо предисловия) // Из недавнего прошлого. Речи еврейских депутатов в Государственной Думе за годы войны. — Пг., 1917.

38. Идельсон А. Четвертая Дума // Рассвет. — 1912. — № 46.

39. Кельнер В. Е. Щит. Винавер и еврейский вопрос в России в конце XIX — начале XX века. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

40. Клиер Дж. О русско-еврейской интеллигенции (К постановке вопроса) // Евреи в России: история и культура: сборник научных трудов / отв. ред. Д. А. Эльяшевич. — СПб., 1995. — С. 75–78.

41. Менделеев Д. И. Собр. соч.: в 25 т. — М. — Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. — Т. 21.

42. Милюков П. Н. Год борьбы. Публицистическая хроника 1905–1906. — СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1907.

43. Новосельский С. С. «Смута» или «революция»? События 1905 г. в России в оценках представителей власти и консервативных течений общественной мысли // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. — 2017. — С. 98–106.

44. Славинский М. А. Русская интеллигенция и национальный вопрос // Вехи; Интеллигенция в России: Сборники статей 1909–1910 / сост. Н. Казаковой, предисл. В. Шелохаева. — М.: Молодая Гвардия, 1991. — С. 406–418.

45. Туган-Барановский М. И. Интеллигенция и социализм // Вехи; Интеллигенция в России: Сборники статей 1909–1910 / сост. Н. Казаковой, предисл. В. Шелохаева. — М.: Молодая гвардия, 1991. — С. 419–426.

46. Френкель Й. Пророчество и политика: социализм, национализм и русское еврейство, 1862–1917. — М.: Мосты культуры, 2008.

47. Эьяшевич Д. А. Правительственная политика и еврейская печать в Российской империи. Очерки истории цензуры. — СПб.: Мосты культуры, 1999.